

И. С. ДОСТЯН

**БОРЬБА ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ
ПРОТИВ ТУРЕЦКОЙ АГРЕССИИ В XIV—XV вв.**

Завоевание государств Балканского полуострова турками в конце XIV—XV вв. явилось величайшей трагедией в истории южнославянских народов. Потеря национальной независимости обрекла покоренные народы на несколько веков беспросветного рабства. На протяжении ряда столетий болгары, сербы, македонцы, боснийцы, герцеговинцы, черногорцы вели с турецкими ассимиляторами тяжелую неравную борьбу за свою национальную свободу, за свой родной язык и культуру. Южные славяне вышли победителями из этой борьбы. В условиях беспросветного рабства, жестокой ассимиляторской политики турок они на протяжении веков сохраняли родные обычаи, языки и культуру, сознание своей национальной общности.

«Турецкие ассимиляторы, — наиболее жестокие из всех ассимиляторов, — сотни лет терзали и калечили балканские нации, но они не только не добились их уничтожения, а оказались вынужденными капитулировать», — так характеризует И. В. Сталин турецкое владычество над народами Балканского полуострова¹.

Губительные последствия завоевания турками южнославянских государств совершенно очевидны. Турецкое иго нарушило естественный ход исторического развития южнославянских народов, консервировало феодальные отношения в покоренных областях. Господство военно-феодального Турецкого государства на Балканском полуострове сковало развитие производительных сил и привело к тому, что ранее передовые южнославянские страны к XVIII—XIX вв. превратились в наиболее отсталые области Европы.

Однако в буржуазной историографии широко распространена вредная, антинаучная теория, приписывающая турецкому завоеванию южнославянских государств положительную роль. Сторонники этой теории, вопреки историческим фактам, утверждают, что установившаяся после завоевания Балканского полуострова твердая власть турецкого правительства ликвидировала своевластие и междоусобную борьбу местных феодалов, что истребление турками южнославянских феодалов повело к ослаблению эксплуатации крестьян и даже уничтожению феодальных отношений. Все это будто бы способствовало улучшению положения населения, росту его благосостояния, поэтому народы Балканского полуострова якобы не оказывали сопротивления завоевателям и быстро примирились с потерей национальной независимости. Такое искажение исторической действительности

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 347.

приводит буржуазных историков, хотя бы они этого или не хотят, в лагерь реакционного пантуркизма, прославляющего военные подвиги турок, провозглашающего их высшей расой, якобы принесшей южнославянским народам освобождение от феодального гнета.

В 70-х годах прошлого века русский ученый В. Макушев писал: «До конца XVI в. Болгария под турецким владычеством наслаждалась миром и таким благоденствием, какого уже давно не знала; турки отличались веротерпимостью, справедливостью и многими высокими нравственными качествами, которые мы тщетно стали бы искать у самых просвещенных народов; подати были незначительны; вера, честь, личная свобода и имущество были ограждены законом и обычаем. Турецкая сила защищала болгар от внешних врагов»¹.

«Счастливую» жизнь болгарского населения под властью турок в XV—XVI вв. Макушев противопоставляет ухудшению положения болгар в конце XVI—начале XVII в. Все эти антиисторические рассуждения автора основаны исключительно на высказываниях дубровчан: Джорджича, жившего в Болгарии в конце XVI в., и Градича, известия которого относятся к XVII в. Ни одного источника XV—первой половины XVI в. Макушев в своей статье не приводит. Тезис об улучшении положения болгар после завоевания турками не обоснован автором какими-либо данными источников и выдвинут совершенно бездоказательно.

Вредные взгляды Макушева, восхвалявшего турецких завоевателей и их разбойничье государство, были поддержаны другими историками. Развивая эту лженаучную теорию, Л. Добров дошел до утверждения, что после турецкого завоевания в покоренных странах было уничтожено крепостное право, было «введено демократическое начало в общественный быт славянства», крестьяне получили право собственности на землю и т. д.² «О положительных сторонах» турецкого ига писал и русский славист А. Погодин. Он считал, например, что объединение турками под своей властью всех сербских земель явилось положительным фактом в истории сербского народа, так как дало возможность Боснии и Сербии почувствовать свою племенную солидарность³.

Болгарские и сербские буржуазные историки также фальсифицировали роль турецкого завоевания в исторических судьбах южных славян, замалчивали тяжелые последствия порабощения южнославянских государств турками. Сербские историки конца XIX—начала XX в. — С. Станоевич, С. Новакович, М. Вукичевич вовсе обходили этот вопрос, не давали на него прямого ответа⁴.

О благоприятных условиях существования болгар под турецким игом в XV—XVI вв. писал также болгарский историк П. Ников⁵. Другой болгарский ученый, В. Златарский, не поддерживая открыто тезис об улучшении положения Болгарии после турецкого завоевания, считал, что мир, установившийся на Балканском полуострове после падения Константино-

¹ В. Макушев. Болгария под турецким владычеством преимущественно в XV—XVI вв. ЖМНП, ч. CLXIII, 1872, октябрь, стр. 289.

² Л. Добров. Южное славянство, Турция и соперничество европейских правительств на Балканском полуострове. СПб., 1879, стр. 422.

³ А. Погодин. История Сербии. СПб. [1909], стр. 92—93.

⁴ С. Станоевич. Историја српског народа. Београд, 1908, 1910, 1926; С. Новакович. Срби и Турци XIV и XV вв. Београд, 1893; его же. Последни Бранковићи у историји и у народном певанју. Нови Сад, 1881; М. Вукичевич. Историја српског народа за средње школе. Београд, 1906.

⁵ П. Ников. Възраждане на българския народ, церковно-национални борби и постижения. София, 1929, стр. 19.

поля, позволил покоренным народам «вернуться, насколько это возможно, к нормальной жизни и предаться снова мирному труду»¹.

Из этой же теории о положительном значении завоевания южных славян турками исходили болгарские и югославские историки при рассмотрении частных вопросов истории южнославянских народов во время турецкого владычества. Так, болгарский историк Г. Гыльбов считает, что после завоевания крестьяне были фактическими собственниками земли²; Х. Хинков описывает расцвет ремесла с приходом турок и говорит о значительных привилегиях ремесленников³; югославский юрист Д. Неделькович утверждает, что феодальные порядки старых славянских государств после установления турецкого владычества были в корне изменены, а феодальные отношения уничтожены⁴. Все эти несостоятельные и методологически ошибочные утверждения являются следствием неверной оценки положения южнославянских народов после турецкого завоевания.

Эта буржуазная концепция еще не вполне изжита в современной болгарской историографии. Даже один из передовых историков народно-демократической Болгарии, Жак Натан, не смог занять в этом вопросе правильную позицию⁵. Основываясь на неправильных взглядах буржуазных болгарских историков, Жак Натан пишет об облегчении налогового бремени после завоевания, о покровительстве турок развитию ремесла и торговли, о расцвете ремесла и торговли. Он считает, что с конца XV до конца XVI в. в Болгарии создались благоприятные условия для развития экономики. О том, какую отрицательную роль сыграло турецкое завоевание в исторических судьбах болгарского народа, автор ничего не говорит.

Неправильная оценка турецкого завоевания в истории южных славян нашла свое отражение и в советской литературе. Так, акад. Н. С. Державин в обобщающем труде «История Болгарии» не только не разоблачил теории о «благотворном» влиянии завоевания турками на судьбы болгарского народа, но и сам в ряде случаев допустил неверные формулировки в духе этой теории. Акад. Державин прямо говорит (хотя и в кавычках) о «положительных» моментах турецкого завоевания. Такими положительными моментами, сыгравшими будто бы впоследствии известную роль в борьбе за национальное и политическое освобождение, он считает «территориальное объединение болгарского народа под единой, хотя и угнетающей, чужденациональной властью и известную ликвидацию старых классовых отношений, господствовавших до завоевания в феодальной Болгарии»⁶. Ошибочность подобных утверждений Н. С. Державина очевидна. Устойчивая общность территории, необходимая для образования каждой нации, имела у болгар и до завоевания турками. Несостоятелен и тезис Н. С. Державина о ликвидации старых производственных отношений после прихода турок: феодальный характер общественных отношений отнюдь не был лик-

¹ В. Златарски. Нова политическа и социална историја на Българія и Балкански полуостров. София, 1921, стр. 4—5. Цит. по И. Митев. Има ли временно подобрене на положението на български народ след падането му под турско иго. «Народна просвета», год VI, 1949—1950, № 4—5, стр. 21.

² Г. Гыльбов. За основните начала на поземелната собственост в Османската империя и специално в Българія под турско владичество. ГСУ, ист.-фил. фак., т. XLIII, 1946—1947, стр. 27.

³ Х. Хинков. Българското занаятчийство преди възраждането (XV—XVII вв.). СпБИДр, кн. 5—6, 1937, стр. 313.

⁴ Д. Неделькович. Историја баштинске својине у Новој Србији од краја 18 в. до 1931. Београд, 1936, стр. 56—57.

⁵ Ж. Натан. Болгарское возрождение. М., 1949, стр. 39—41; его же. Икономическа история на Българія. София, 1949, стр. 23—24.

⁶ Н. Державин. История Болгарии. т. III. М.—Л., 1947, стр. 7.

видирован турками, а смена одних феодалов другими (и то не всегда имевшая место) не могла изменить сущности производственных отношений.

Лишь в самое последнее время историки народно-демократической Болгарии начали борьбу против буржуазных извращений в оценке турецкого завоевания: Б. Цветкова и И. Снегаров опубликовали ряд статей, посвященных изучению особенностей феодальных отношений в Болгарии, в которых они в основном верно оценивают роль турецкого завоевания в истории Болгарии¹. Этому вопросу посвятил специальную статью также И. Митев; на большом материале источников он доказывает, что положение болгарского народа после завоевания страны турками резко ухудшилось². «... Не было временного улучшения положения болгарского народа после турецкого завоевания, — делает правильный вывод Митев, — напротив, его положение ухудшилось... Турецкое завоевание в большой степени препятствовало естественному пути развития Болгарии к капитализму»³. Эти же взгляды развивает Митев и в своем обобщающем труде «Краткая история болгарского народа»⁴.

* * *

Изучение последствий завоевания турками южнославянских народов чрезвычайно затруднено в силу крайней скудости источников. Документального материала по истории сербов и болгар в XV в. почти не сохранилось. Литературные памятники, летописи, хроники, записки современников и европейских путешественников немногочисленны. Они содержат лишь краткие, отрывочные сведения о жизни населения, о хозяйстве и общественных отношениях в покоренных турками южнославянских государствах.

В небольшой статье мы не можем претендовать на всестороннее исследование положения южнославянских народов после завоевания турками и потери национальной независимости. Главная задача автора — поставить этот вопрос на конкретном материале источников, которые, несмотря на их неполноту, красноречиво описывают хищнический характер турецкого завоевания и тяжелое положение южнославянских народов под игом Османской империи.

Правильное решение вопросов о роли турецкого завоевания в исторических судьбах южных славян, о положении покоренных народов под игом Османской империи содержат труды классиков марксизма-ленинизма. основополагающие высказывания Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина о турецком феодализме и его особенностях, о жестоком угнетении «турецкими ассимиляторами» поработенных народов обязывают советских историков правильно анализировать материал источников. Указания классиков марксизма и анализ конкретного исторического материала позволяют в корне пересмотреть взгляды буржуазных ученых в этой области.

Экономическое развитие балканских народов в XIII—XIV вв. характеризуется ростом товарного производства. Ряд южнославянских городов достигает в это время значительного расцвета. Многие отрасли ремесла,

¹ Б. Цветкова. Помеелните отношения в българските земи под османското владичество до средата на XVII в. ИПр, год VII, 1950, № 2; ее же. Характерни черти на османския феодализъм в българските земи. ИПр, год VI, 1950, № 4—5; ее же. Към въпроса за класовите различия в българското общество през епохата на турското владичество. ИПр, год VIII, 1951, № 2; И. Снегаров. По въпроса за класите и класовите отношения през възраждането. ИПр, год VIII, 1951, № 2.

² И. Митев. Има ли времено подобрене на положението на български народ след падането му под турско иго. «Народна просвета», год VI, 1949—1950, № 4—6.

³ Там же, № 6, стр. 11.

⁴ Его же. Кратка история на български народ. София, 1951, стр. 80—96.

как, например, обработка металлов и кожи, ювелирное дело, производство оружия, обслуживали не только внутренний, но и внешний рынок.

Феодалное поместье в это время все больше втягивалось в товарно-денежные отношения. Во многих областях Балканского полуострова широкое развитие получила торговля хлебом, находившим сбыт как в городах Болгарии, Сербии, Византии, так и в Италии и некоторых других странах. В этом отношении интересно сообщение флорентийского купца XIV в. Пеголотти, который высоко ценит качество болгарского хлеба и при этом советует покупать хлеб у крупных землевладельцев¹. Из южнославянских стран вывозились также скот, кожи, вино и другие сельскохозяйственные продукты.

Новые экономические условия, развитие товарного производства в рамках феодальных отношений, вызвали значительные изменения в положении крестьянства. Это приводило, с одной стороны, к росту самостоятельности известной части крестьянских хозяйств, с другой — к ухудшению условий жизни основной массы зависимого населения, к увеличению повинностей, к обнищанию значительной массы крестьян.

Все это имело своим результатом крайнее обострение классовой борьбы в южнославянских государствах, приводя к росту антифеодальных движений.

В то же время обостряются противоречия внутри самого господствующего класса, представители которого оспаривают друг у друга феодальную земельную собственность, являющуюся, по словам И. В. Сталина, «основой феодализма»². Южнославянские государства раздирались на части феодальной усобицей.

В то время, когда турки начали завоевывать территории Юго-Восточной Европы, на Балканском полуострове существовало несколько десятков самостоятельных феодальных княжеств и владений. Наиболее крупные государства — Византия, Сербия, Болгария, Босния — также не сохраняли внутреннего единства. Феодальная раздробленность препятствовала хозяйственному и культурному развитию южнославянских народов, ослабляла их сопротивление в борьбе с внешним врагом.

Феодальные владельцы Юго-Восточной Европы непрерывно враждовали между собой, захватывали друг у друга территории, не замечая более страшной опасности, грозившей им со стороны турок. Один из современников, серб Михаил Константинович, довольно верно определил одну из причин легких побед турок. «И то знайте, — пишет он, — что поганые турки так сильны не сами по себе, а из-за несогласия среди христиан. Ибо несогласие среди христиан для поганных турок счастье и радость, а наша ненависть и междоусобная вражда приносит им победу»³.

Войны против турок велись обычно с помощью немногочисленных феодальных ополчений и морально неустойчивых наемных солдат. Боясь народного движения, феодальные владельцы Балканских стран не пытались опереться в борьбе с турками на крестьянство и трудовое население городов.

Антитурецкое движение не приняло всенародного характера. Задавленное тяжелым гнетом крестьянство не хотело оказывать своим угнетателям поддержку в борьбе с турками. Все это, естественно, обрекло борьбу с турками на неудачу.

Уже в процессе завоевания выявилась предательская роль большинства южнославянских феодалов, фактически отказавшихся от организации отпора

¹ J. Sakâsov. *Bulgarische Wirtschaftsgeschichte*. Berlin—Leipzig, 1929, S. 103f.

² И. Сталин. *Экономические проблемы социализма в СССР*. Госполитиздат, 1952, стр. 41.

³ Мијајла Константиновића, Србина из Островице историја или летопис турски, списани оно 1490. ГлСУДр, кн. XVIII, 1865, стр. 121—122.

турецким агрессорам. Если мы присмотримся к истории завоевания Балканского полуострова турками, то увидим, что феодальные владельцы различных областей сплошь да рядом переходили на сторону турок. Вот характерный пример. В начале XV в., в решительный момент для исхода борьбы с турками, когда ослабление Османского государства после нападения монголов создавало возможность освобождения Балканского полуострова, в Сербии началась жестокая междоусобная борьба между деспотом Стефаном и его двоюродным братом Юрием Бранковичем. Когда в 1402 г. Стефан и его брат Вук начали сражение с одним из претендентов на султанский престол — Сулейманом, на стороне последнего выступил Юрий Бранкович¹. После того как Вук Лазаревич был разбит войском Бранковича, он тоже бежал к туркам².

Среди мелких сербских князей было большое число открытых приверженцев турок, которые считали для себя выгодным подчиниться султану и пользоваться покровительством сильной власти³. При таком положении организованный отпор завоевателям был невозможен.

«Ни одна страна в мире не может рассчитывать на сохранение своей независимости, на серьёзный хозяйственный и культурный рост, если она не сумела освободиться от феодальной раздробленности и от княжеских неурядиц», — пишет И. В. Сталин⁴.

Феодальная раздробленность и княжеские неурядицы в южнославянских государствах, жестокая классовая борьба между феодалами и крестьянством помогли туркам сравнительно легко преодолеть сопротивление южнославянских народов и подчинить их своей власти. Рост внешней опасности, при отсутствии достаточных внутренних предпосылок для объединения, при отсутствии необходимой экономической общности внутри каждой народности, не смог еще привести в это время к складыванию на Балканах крупных централизованных государств, способных отразить нашествие турецких завоевателей. Поэтому турки смогли поодиночке разгромить мелкие балканские государства и захватить в течение столетия почти весь Балканский полуостров.

Было бы неправильно считать, что турки, так легко завоевавшие громадные территории Европы и Азии, были более передовым народом, нежели греки, болгары, сербы и другие балканские народности. Феодальные отношения у турок в XIV—XV вв. находились на более низком уровне развития, чем у европейских народов, в политическом и культурном отношении они также были гораздо более отсталыми. Османская империя отнюдь не была прочным централизованным государством, сложившимся на основе экономической общности и общих интересов населения. Это объединение постоянно ограбляемых турками народов поддерживалось лишь с помощью военной силы. Сила турецкого оружия была единственным средством, позволявшим держать в подчинении все враждебные туркам народы, входившие в состав Османской империи.

В XV—XVI вв. военно-феодальная организация Турецкого государства достигла наибольшего расцвета. «Государство османов было единственной подлинной военной державой средневековья», — писал Маркс⁵.

¹ С. Новаковић. Срби и турци XIV—XV вв., стр. 283.

² Константин Философ и негов живот Стефана Лазаревића деспота српског, кн. XLII. Изд. В. Јагић. ГлСУДр, стр. 282.

³ С. Новаковић. Указ. соч., стр. 275.

⁴ Приветствие тов. Сталина по случаю 800-летия Москвы. «Правда», 7 сентября 1947 г.

⁵ К. Маркс. Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса. г. VI, стр. 189.

Турецкая армия превосходила европейские ополчения и наемные войска главным образом своей многочисленностью. Первые же султаны превратили в грозную силу турецкую конницу, состоявшую в основном из военных ленников — сипахи. Уже в XIV в. большое значение в военной организации турок приобрела янычарская пехота, фанатично преданная султану гвардия, формировавшаяся из захваченных в плен христианских юношей.

Эти два рода войск составляли ядро армии, ее главную боевую силу. Но они были сравнительно немногочисленны.

Было бы ошибочным преувеличивать силу турецкой армии и высоту военной организации турок. Турки казались такими сильными ввиду военной слабости южнославянских государств. В военном отношении турки действительно превосходили каждое из них и поэтому считались непобедимыми.

Кроме регулярной армии в военных походах участвовало обычно громадное по численности, но плохо организованное и плохо вооруженное ополчение, состоявшее главным образом из людей, рассчитывавших пожить в военной добычей.

Византийский историк XV в. Дука ярко и образно описывает организацию военных походов турок и их методы войны. По его словам, турки, начиная войну, обычно приглашали принять в ней участие всех желающих идти против «неверных». «Ибо турки, как никакой другой народ, были склонны к грабежу и несправедливости. Они поступали так по отношению к соплеменникам — что же говорить об их преступлениях против христиан? Как только услышат они голос глашатая, призывающий к набегу — на их языке он называется «аккин», — тотчас все они толпой, подобно реке, пускаются в путь по собственному побуждению: многие без мешка и сумы, без копий и сабель; иные — даже пешком; вооруженные в большинстве своем лишь дубинами, они двигаются бесчисленными рядами»¹. Эта плохо вооруженная, недисциплинированная армия составляла преобладающую часть турецкого войска, совершающего набеги на мирные города и села Балканского полуострова.

Известно, что войны в эпоху средневековья обычно сопровождалась грабежами, убийствами мирных жителей, пожарами, реквизициями и т. д., однако турецкие завоеватели далеко превзошли все примеры средневековой жестокости. Грабеж завоеванных территорий был для Турецкого военно-феодального государства одной из главных целей военных действий. Ограбление с помощью военной силы покоренных народов было в XIV—XV вв. основным источником доходов казны султана и турецких феодалов. Каждый солдат турецкой армии шел на войну в расчете поживиться грабежом побежденных. В XIV—XV вв. эти грабительские войны велись непрерывно и планомерно.

«Ни на один день они не прекращают набегов, — рассказывает Дука, — и если сегодня они, надев личину, заключали мир с сербами, то завтра они грабили области Аттики и Лакедемона, Ахеи и Эллады; а послезавтра, когда, казалось, владения ромеев обретали мир, сербам суждены были стенания и вопли; затем наступал черед болгар, а после того албанцев. Эти варвары не переставали поочередно терзать все народы — и дикие и цивилизованные — и не перестают это делать поныне. . . И пусть в какую-нибудь область они явятся в неисчислимом множестве, все равно они нападают по-разбойничьи и убегают с награбленным. Вот

¹ Ducas Historia byzantina, ed. I. Bekker. Bonn, 1834, p. 135. Перевод труда Дуки на русский язык для данной статьи сделан А. П. Кажданом.

почему вся Фракия, вплоть до Далмации, превратилась в пустыню; вот почему многолюдное племя албанцев стало малочисленным; равным образом валахам, сербам и ромеям был нанесен сокрушительный удар»¹.

Разбойничий характер турецкого завоевания обрекал народные массы завоеванных территорий на неимоверные бедствия и страдания. Монах Хиландарского монастыря Исайя так описывает бедствия населения после марицкой битвы 1371 г.: «...И такая нужда и жестокость охватила все западные города и страны², какой ни ушами не слышали, ни глазами не видели. После гибели храброго мужа деспота Углеша измаильяне (турки. — И. Д.) рассеялись и разлетелись по всей земле, как птицы по воздуху, и одних из христиан закалывали мечом, других отводили в плен, а остальных скосила безвременная смерть. Те же, которые уцелели от смерти, погибли от голода, так как наступил такой голод по всем странам, какого не было от сотворения света и, дай бог, чтобы не было впредь»³.

Взяв в 1393 г. столицу Болгарии Тырново, многолюдный и богатый город, «пожелал доброненавидящий (султан. — И. Д.) его разорить», — пишет очевидец этого события⁴. «Излилась ярость и громадное нашествие агарян (турок. — И. Д.), и, увы, совершилось полное плачевное разорение этого города вместе с окрестными», — жалуется другой современник⁵.

После поражения сербов на Косовом поле в 1389 г. турки не раз совершали нападения на богатые и цветущие сербские города и села. В записках современников, в сербских летописях имеется немало сообщений о зверствах турок, о разорении ими городов и сел.

«В 6921 г. (1413 г.) разбил Муса деспота Стефана на Вребнице, — сообщает, например, сербская летопись, — и разрушил Крушевац, Петрус, Сталач, Коприян и много других городов и множество христиан посек саблями»⁶.

Особенно жестоко турецкие войска ограбили Сербию в 1439 г. в отместку за то, что сербы не поддерживали турок во время их войны с Венгрией. Вся страна была разорена, турки увели тысячи пленников.

Турецкие войска свирепствовали не только в городах и селах, население которых оказывало им сопротивление. Иногда они грабили и разоряли также богатые города, сдававшиеся на милость победителей. После того как богатый сербский город Ново Брдо, центр разработок золота и серебра, добровольно сдался туркам (1455 г.), султан Мехмед приказал перебить сильных и здоровых мужчин, а 320 юношей и 700 женщин раздал своим приближенным в качестве рабов⁷.

Массовый увод мирных жителей в рабство был у турок излюбленным способом военного грабежа: они захватывали в плен наиболее красивых и здоровых мужчин, женщин и детей, чтобы дешево продать их затем на невольничьих рынках. Это был невиданный для XIV—XV вв. в Европе способ ведения войны, свидетельствующий о крайней общественной и культурной отсталости турецких завоевателей.

Ужасные картины захвата турками покоренного населения в плен и продажи рабов на невольничьих рынках рисуют многие европейские путешественники и очевидцы событий. «Ведь они (турецкие солдаты. — И. Д.)

¹ Ducas, p. 136 sq.

² Имеются в виду города и области Юго-Восточной Европы.

³ И. Иванов. Български старини из Македонија. София, 1931, стр. 226.

⁴ И. Дуичев. Из старата българска книжнина, кн. II, стр. 239.

⁵ Там же, стр. 252.

⁶ Дечанская летопись, с предисловием и комментариями Н. Махрова. СПб., 1908, стр. 49.

⁷ Мијајл Константиновић. Указ. соч., стр. 116—117.

набирают столько пленных, что им негде их держать и стеречь, так что они бывают готовы продать их тут же на месте за любую цену, которая колеблется в зависимости от числа рабов. Иногда этих последних идет на продажу столько, что человека, как говорили, отдавали за одну шапку. Купленных рабов торговцы связывают по 10—12 человек одной цепью и так их гонят на базар»¹.

Описывая историю турецких завоеваний в Европе и Азии, Дука не раз отмечает, что после победы турки, истребив часть населения, разграбив имущество жителей, захватывали наиболее здоровых и красивых людей в плен. Рассказывая, например, как в 1343 г. турки пришли в Европу, чтоб помочь Иоанну Кантакузину овладеть Фессалоникой, Дука пишет: «Турки же, прекратив сражение, отправились грабить деревни: и вот они погнажи в Константинополь на продажу бесчисленные толпы закованных в цепи людей: мужчин и женщин с грудными детьми и цветущих юношей, священников и монахов»².

Турки захватывали жителей и продавали их в рабство не только во время военных действий. В рабство обращали несостоятельных должников, за неуплату налогов, а иной раз и без всякой причины. Всех побежденных силой оружия турки рассматривали как своих пленников, жизнью и имуществом которых могли свободно располагать завоеватели.

Торговля рабами получила особенное распространение в XIV—XV вв., когда Османское государство вело успешные наступательные войны в Юго-Восточной Европе. Но она оставалась и в дальнейшем, не исчезнув вплоть до конца XVIII в. В Турции существовали специальные рынки для продажи рабов. Торговцы рабами отправлялись вместе с войском в походы, чтобы по дешевой цене скупать пленных у солдат. Получение мыта от продажи рабов было одной из статей доходов султанской казны³.

Вопрос о том, какую роль играл рабский труд в Османской империи, где он находил применение, нуждается в специальном исследовании. Повидимому, рабство в Турции носило патриархальный характер. Рабы использовались как слуги, женщины и девушки попадали в гаремы султанов и феодалов. Наиболее широкое применение находили рабы в войске. Из их числа формировалась личная охрана султана, дворцовая стража и прислуга. О таких 8 юношах-сербах, служивших коморниками при дворе Мехмеда II, сообщает Михаил Константинович из Островицы⁴.

Многие из рабов, под давлением угроз и запугиваний, а иногда и в корыстных целях принимали ислам. Из таких бывших рабов-потурченцев вышло немало государственных деятелей Турции, визирей, крупных военачальников⁵. Все это были люди, сумевшие извлечь выгоду из не-

¹ А. Погодин. История Болгарии. СПб., 1910, стр. 136.

² Ducas, p. 32.

³ Яков де Промонторно де Кампис. Управление и приходе на Султана. Державата на Султана. Изв. ИДр, кн. IX, 1929, стр. 25.

⁴ «Гласник Серпского ученого дружства», кн. XVIII, стр. 117.

⁵ Проезжая в 1433 г. мимо Вере (современное Ферр), французский путешественник Бертрандон де ла Брокьер встретил «управителя Греции» (т. е. румелийского бейлербейства), который был потурченцем-рабом, родом из Болгарии. Он завоевал расположение султана тем, что умел хорошо пить вино, и получил в управление Румелию (К. Иречек. Стари пътешествия по България. Пер. Сп., кн. III, 1882, стр. 71—72). Великий визирь конца XVI в. Мехмед был также болгарин, происходил из рабов (К. Иречек. История болгар. Одесса, 1878, стр. 575—576). Таких примеров можно было бы привести немало.

Весьма характерна, например, передаваемая Дукой речь бывшего албанца-потурченца, великого визиря султана Мехмеда I. Он говорил, извещая придворных о смерти Мехмеда: «Было еще одно обстоятельство, содействовавшее укреплению этого (Османского. — И. Д.) государства и увеличению его авторитета: мудро и искусно собирали

счастья своих народов, примирившиеся с потерей национальной свободы и перешедшие на службу к завоевателям. Конечно, это были лишь единицы в общей массе рабов, которые несли тяжелую работу в армии, служили на галерах, находились в услужении у турецких феодалов и т. д.

Увод жителей в рабство и их отуреченье было для турецких феодалов одним из методов политики ассимиляции балканских народов. О том, какими жестокими, изощренными средствами проводилась эта политика, свидетельствует «кровавая дань» — набор янычаров. В XIV—XV вв. янычарские корпуса формировались из числа пленников-христиан. Кроме того, наиболее здоровые мальчики насильственно отбирались у родителей и отправлялись на обучение в Малую Азию. Набранных в янычары детей турки обращали в мусульманство и воспитывали в духе религиозного фанатизма, ненависти и презрения к народам, выходцами из которых эти дети являлись. «... Подобно бешеным собакам, они всегда испытывают непримиримую, смертельную вражду против своих соплеменников», — пишет о таких людях Дука¹. Пользовавшиеся особыми привилегиями янычары в XV—XVI вв. были лично преданной султану гвардией, одной из основ военного могущества Турецкого государства.

Ассимиляторская политика султанов преследовала цель — увеличить численность турок, немногочисленного, отсталого народа, укрепить позиции завоевателей на покоренных территориях.

Одним из средств укрепления господства завоевателей на Балканском полуострове была также колонизация южнославянских областей переселенцами из Малой Азии. Еще во второй половине XIV в. султан Мурад I переселил в северную Фракию, северную Болгарию и Македонию много туркмен из Малой Азии². В дальнейшем турки вели систематическую колонизацию как городов, так и сельских местностей, в особенности расположенных на стратегических и торговых путях, в плодородных местностях, на побережье Черного, Мраморного и Эгейского морей. Особенно много турецких поселений возникло в долинах рек Дуная и Марицы, на черноморском побережье в Болгарии, которая была расположена в непосредственной близости от Константинополя и служила для турок хозяйственной и стратегической базой при осуществлении их дальнейших завоеваний в Европе.

Турецкое завоевание сопровождалось громадным разрушением производительных сил южнославянских народов и повело к экономическому упадку стран Балканского полуострова. Многие города и села лежали в развалинах. Численность населения резко сократилась.

Бертрандон де ла Брокьер, проезжавший через Балканский полуостров в 1433 г., рассказывает, что около Адрианополя деревни были оставлены жителями и совершенно опустошены. Путешественники нигде не могли достать продовольствия и принуждены были все необходимое возить с собой³. Позднее, уже во второй половине XVI в., немецкий путешественник Герлах писал в своем дневнике путешествия по Балканскому полу-

они среди всех племен людей, обреченных на несчастную мужицкую жизнь, не почитающих единого бога, о котором возвестил пророк; их они сделали благочестивыми и счастливыми, наградили чинами и славными должностями. Из этих людей и я происхожу, и значительная часть слушающих меня» (Ducas, p. 130).

Если даже считать, что Дука несколько преувеличивает количество выходцев из покоренных народов, попадавших в среду высшей феодальной знати Турции, сам факт наличия их среди турецких высших чиновников и военачальников неоспорим.

¹ Ducas, p. 139.

² П. Ников. Турското завладяване на България и съдбата на последните Шишмановци. Изв. ИДР, кн. VII—VIII, 1928, стр. 46.

³ К. Иречек. Указ. соч. Пер. Сп., кн. III, стр. 67, 70.

острову о бедности населения Сербии и Болгарии, о скудном количестве обрабатываемых земель, о запустении сельского хозяйства¹.

Европейские путешественники, проезжавшие по Балканскому полуострову в XV—XVI вв., сообщают об упадке городов, разрушенных турками и так и не восстанавливаемых. Венецианец Рамберти писал, например, в 1534 г., что «Филиппополь был разрушен и, как это делают турки, превращен в село»².

Захватив какой-либо город, турки часто изгоняли из него часть населения или всех жителей.

Дука рассказывает, что когда султан Мурад занял Фессалонику и превратил город в пустыню, он собрал турок из окрестных деревень и городов и переселил их в занятый город³. Такими же способами проводилась и колонизация турками южнославянских городов.

В XVI в. турецкое население во многих крупных городах преобладало над славянским. Города приобретали турецкий облик. Так, по сообщению де ла Брокьера, в XV в. большинство населения Софии было болгарским⁴, а в XVII столетии турки, по отзывам путешественников, занимали по численности первое место среди жителей города⁵.

Завоеванные турками крупные города Балканского полуострова обычно превращались в крепости, опору турецкого господства в стране. Такие города, как например, София, Филиппополь, Видин, Скопле, Сараево, Охрид, Призрен и др., стали центрами турецкого управления страной. В них сосредоточивались турецкие войска, жили чиновники и аристократия. Городское ремесло и торговля обслуживали нужды турецкого населения. Сами турки мало занимались производительной деятельностью, поэтому большой процент ремесленного и торгового населения городов составляли местные жители. Ремесленники и торговцы терпели, однако, жестокие притеснения со стороны турецких властей, а их собственность была ничем не обеспечена против грабежей завоевателей.

В XIII—XIV вв. южнославянские государства имели широкие торговые связи в Европе и Азии. Непрерывные войны XIV—XV вв. расстроили торговлю Балканского полуострова. Торговля по Средиземному и Черному морям оказалась крайне затрудненной, левантийская торговля значительно сократилась.

Условия ведения торговли в Турции были очень тяжелы. Турецкие власти не поощряли развития внутренней торговли в стране, не заботились об обеспечении собственности торговцев. Европейские товары, в которых нуждались турецкие феодалы, распространялись в ущерб развитию собственного ремесла. Большая часть внешней торговли оказалась сосредоточенной в руках венецианцев, генуэзцев, немцев, дубровчан. Спасаясь от грабежей и насилия турок, местные ремесленники и торговцы покидали города, уезжали в соседние страны или бежали в села, районы, отдаленные от турецких центров.

Уже во время турецкого наступления началась массовая эмиграция местного населения в итальянские города, Молдавию и Валахию, Венгрию, Чехию, Польшу. С середины XIV в. и на протяжении всего XV в. шла усиленная эмиграция сербов, а иногда и болгар, за Саву и Дунай, в Венгрию. К XVI в. в южных районах Венгрии, ранее плохо освоенных и мало населенных, создались компактные массы сербского населения. Там воз-

¹ К. Иречек. Указ. соч., кн. VI, стр. 21—23.

² Там же, кн. IV, стр. 100.

³ Ducas, p. 200.

⁴ К. Иречек. Указ. соч., Пер. Сп., кн. III, стр. 77.

⁵ А. Иширков. Град София през XVII в. София, 1912, стр. 38.

ники и крупные феодальные владения бежавших от турок южнославянских князей и великашей, а в городах работало много ремесленников-славян.

В это же время усиливается эмиграция южных славян в Русское государство. На Русь переселялись из южнославянских стран ремесленники. Количество таких переселенцев установить, конечно, трудно, однако в русских летописях встречаются упоминания о некоторых из них¹. Приехало также много духовенства и грамотных людей. Среди них были Киприан, назначенный в России московским митрополитом, его племянник Григорий Цамблак, сделавшийся митрополитом в Киеве. В XV в. в Северной Руси жил плодовитый писатель — серб Пахомий Логофет².

Непрестанные войны, голодовки, лишения и массовая эмиграция в другие страны привели к резкому сокращению населения южнославянских областей Балканского полуострова; цветущие ранее города и села опустели, обрабатываемые еще недавно земли были заброшены.

Таким образом, установление турецкого господства повлекло за собою хозяйственную разруху и экономический упадок всех покоренных областей.

Турки не меняли феодальных порядков в подчиненных им странах. «При всех завоеваниях возможен троякий исход, — писал К. Маркс. — Народ-завоеватель навязывает побежденным собственный способ производства (напр., англичане в этом столетии в Ирландии, отчасти в Индии); или он оставляет существовать старый и довольствуется данью (напр., турки и римляне); или происходит взаимодействие, из которого возникает новое, синтез (отчасти при германских завоеваниях)»³.

Турки, небольшой отсталый народ, не пытались менять основу феодальных порядков в покоренных землях. Завоевывая города и села, они удовлетворялись богатой военной добычей, грабежом покоренного населения и нередко оставляли старых феодальных владельцев. Так, после взятия Софии султан Мурад I простил воеводу Янука и оставил его управлять городом⁴. В XV—XVI вв. в Сербии и Болгарии сохранялось еще много представителей старой феодальной знати, упоминания о которых встречаются в источниках этого времени. Описывая, например, перенесение мощей Ивана Рыльского в Рыльский монастырь, Владислав Грамматик упоминает о том, как около Никополя шествие монахов было встречено «некоторыми вельможами, очень христолюбивыми», и прочими болгарями, среди которых упоминается Богдан-жупан⁵. Упоминания о «властелях» содержатся в кодексах XV—XVI вв., сохранившихся в македонских монастырях. В кодексе монастыря Матка перечисляются фамилии этих «властелей», являвшихся ктиторами монастырей. Среди них выделялся своим богатством владелец кратовских рудников князь Дмитрий Кратовский⁶. Не раз упоминаются в македонских кодексах два властельских рода — Бойкичи и Пепичи, владевшие рудниками в Кратове⁷.

Правда, все болгарские бояре, сербские князья, великаши, боснийские жупаны и т. д., оказывавшие вооруженное сопротивление завоевателям,

¹ М. П. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. «Славянский сборник». М., 1947, стр. 174.

² Там же, стр. 173.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. 1, стр. 187—188.

⁴ Д. Ихчиев. Материали за историята на под турското робство. «Юбилеен сборник по случай 10-годишнината на д-ва «Денкоглу». София, 1907, стр. 59.

⁵ С. Новаковић. Владислав Грамматик, ГлСУДр, кн. XXII. Белград, 1867, стр. 295.

⁶ А. М. Селищев. Македонские кодексы. София, 1933, стр. 49—50.

⁷ Там же, стр. 131.

беспощадно истреблялись. Многие, спасаясь от расправы турок, должны были бежать в итальянские города, Венгрию и другие страны.

Однако значительная часть болгарского боярства, сербских и боснийских великашей спасла свои феодальные владения и права ценой полной покорности завоевателям. Многие приняли ислам, влились в феодальный класс Османской империи и вскоре ассимилировались турками.

Потурченцы-славяне составляли значительную часть турецких феодалов Балканского полуострова. В Боснии и Герцеговине, например, большинство феодалов потурчилось, перешло на службу к туркам и превратилось в турецких бегов, сохранив свои старые земельные владения. Много лиц славянского происхождения занимало высокие должности при дворах султанов. Часть из них происходила из принявших мусульманство и освобожденных рабов, часть вела свое происхождение от принявших ислам и перешедших на сторону турок южнославянских, греческих и албанских феодалов. При султанах Баязиде II четыре визиря были потурченцами, при султанах Сулеймане Великолепном и Селиме II из девяти великих визирей восьмеро были потурченцами-христианами. Знаменитый визирь Сулеймана Великолепного Мехмед Соколович был герцеговинцем¹.

Характерно, также, что феодалы в Сербии и Болгарии и других частях Балканского полуострова говорили обычно на славянских языках и часто носили христианские имена. Так завещавший в 1496 г. вакуфу свое обширное феодальное владение в Болгарии Ала-дин Али-бей был сыном Михаил-бега, который принял мусульманство². Дука упоминает об управляющем делами малолетнего султана Мурада некоем Георгидж-бее (Γεωργιτζ-πέγιου).

Желая умалить власть феодалов покоренных народов, подавить их сепаратистские тенденции и поставить в большую зависимость от правительства, турки проводили своеобразную политику по отношению к этим феодалам. Они обычно не оставляли феодалам прежних владений, а передавали в управление и в собственность другие земли. Так принявшему ислам сыну болгарского царя Шишмана — Александру султан передал в управление Ионию, прежний наместник которой Джинейт получил земли в области Никополя⁴. Морейский деспот Дмитрий, сдавшись на милость Мехмеда II, получил от последнего область в Сербии, около Адриатического моря, а в Морею был назначен другой правитель⁵. В конце XV в. потурчившийся сын владетеля Зеты Юрий Черноевич получил от султана земли в Анатолии. Пытаясь овладеть Сербией без сопротивления, султан Мехмед II, по словам Дуки, потребовал от сербского деспота Георгия, чтобы тот покинул часть своих владений, взамен которых султан обещал подарить ему город Софию. Таких случаев было, повидимому, немало.

Пополнение турецкого феодального класса славянским элементом упрочило власть турецких поработителей и способствовало тому, что турки, являвшиеся в XV в. народом, гораздо более отсталым, нежели болгары и сербы, усвоили феодальные порядки покоренных народов и укрепили свое военно-феодальное государство.

Иная судьба постигла в Турецком государстве народные массы, которые, за малым исключением, не поддались ассимиляторской политике

¹ И. Снъгаров. Положението на охридската црква от отпаденето на Охрид под турците (1394) до 1550 г. Мак П, 1929, кн. 4, стр. 4.

² Д. Ихчиев. Турските вакъфи в българското царство и документи върху тях. «Минало», кн. III. София, 1909, стр. 244.

³ Ducas, p. 115.

⁴ П. Ников. Турско завладяване на България... стр. 84.

⁵ Мијајл Константиновић. Указ. соч., стр. 125; Ducas, p. 135.

турок и остались верными национальному языку, культуре и религии. Христианское население Балканского полуострова испытывало жестокий религиозный гнет. Путем насилий и угроз турки систематически пытались обращать население в мусульманство. Ряд унижительных правил постоянно напоминал населению о господстве турок-завоевателей. «Неверные» («гяуры») не могли носить оружия, ездить верхом, одеваться так же богато, как одевались турки, строить дома выше и красивее турецких, выступать свидетелями на суде. Христианскому населению не только не разрешалось строить новые церкви, но даже чинить и восстанавливать старые. Наиболее красивые и богатые церкви превращались в мечети. Всеми этими ограничениями турецкие ассимиляторы рассчитывали воспитывать в южнославянских народах сознание их полного бесправия, рабскую покорность завоевателям.

Южнославянские народы были лишены церковной самостоятельности. Все церковные дела православных народов перешли в ведение константинопольского патриарха. Константинопольская патриархия, защищавшая интересы торговцев и ростовщиков греческого квартала Константинополя — Фанара (фанариотов), назначала на высшие церковные должности только греков и сама систематически грабила свою паству.

В наиболее тяжелом положении находилось феодально-зависимое крестьянство поработенных народов — райя.

Турки-завоеватели рассматривали южнославянских крестьян как рабов-военнопленных, служащих для удовлетворения нужд турецких феодалов и государства.

Крестьянство немилосердно грабилось как собственными феодалами, так и турецкими чиновниками и пашами. О бедственном положении сельского населения Балканского полуострова в конце XV в. сообщает итальянский гуманист Ф. Буонакорси, по прозвищу Каллимах. «Когда я на них глядел, — пишет он о болгарях, — я поражаюсь малочисленности их и еще более нищете и нечистоте этого бедного населения. Мне казалось, что они живут не в домах, а в темной пропасти, настолько у них был печальный и хмурый вид»¹.

К сожалению, в распоряжении исследователя имеется в настоящее время слишком мало документов и материалов, освещающих конкретные формы феодальных отношений, положение феодально-зависимого южнославянского населения в первые века турецкого господства.

Фальсификаторы истории, выдвигающие теорию об улучшении положения населения после завоевания турками Балканского полуострова, обычно обосновывают ее не материалом источников, а рассуждениями о том, что, в результате завоевания якобы произошла коренная ломка феодальных порядков, что спахии — турецкие военные ленники, не являлись феодалами, не обладали феодальной собственностью на свои лены. Подобные взгляды совершенно неверны.

Спахии, которые даже в турецких документах именуются обычно «хозяевами земли» (ерази сахиби), так же как и западноевропейские рыцари, несли военную службу и владели своей земельной собственностью на определенных условиях. Но они полностью располагали крестьянами, сидящими на ленной земле.

Хотя установление турецкого господства над южнославянскими народами и сопровождалось изгнанием и истреблением части феодальных владельцев, но оно не несло крестьянам освобождения от феодальной зависи-

¹ Х. Кесьяков. Положението на България към края на 15 в. (според италиански гуманист Ф. Буонакорси). СбНУ, кн. VI, 1891, стр. 181.

мости и эксплуатации. Место изгнанных южнославянских феодалов заняли турецкие феодалы, а в ряде случаев южнославянские феодалы сохранили земельные владения. Старые феодальные порядки не были изменены: крестьяне платили тяжелые налоги государству и феодалам. Поголовный налог на крестьянское население в Турции — харадж (в произношении болгар и сербов — харач), уплачиваемый всеми мужчинами, шел в султанскую казну. В XV в. харадж не собирался турками непосредственно с населения, обычно он выражался в даях, которые владельцы покоренных областей должны были ежегодно вносить в султанскую казну. Величина таких даний неуклонно возрастала. Феодалам крестьяне платили также поземельный налог и десятину с урожая сельскохозяйственных продуктов (это не была церковная десятина). Величина десятины доходила иногда до $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{3}$ части урожая. Так, путешественник Герлах (вторая половина XVI в.) отмечает, что спахии вместо $\frac{1}{10}$ собирали $\frac{1}{7}$, $\frac{1}{5}$ части урожая, едва оставляя крестьянам продукты для пропитания¹. Подобное положение имело место, вероятно, и в XV в. Особенно тяжелыми для крестьянства были всевозможные чрезвычайные военные налоги и поставки, величина которых обуславливалась потребностями военного управления, а не реальными возможностями населения. На крестьян ложилось также основное бремя по уплате огромных контрибуций — даний, которые накладывали турки на каждую область после ее завоевания.

В период существования самостоятельных южнославянских государств большинство крестьян было прикреплено к своему наделу земли и не могло покинуть своего феодального владельца. Нет оснований предполагать, что после турецкого завоевания наступило коренное изменение в этом отношении. Законы султана Мехмеда II, составленные в конце XV в., говорят о праве феодалов в течение 10 лет искать бежавших от них крестьян. В XVI в. срок сыска крестьян еще более увеличился.

Таким образом, при турецком владычестве крестьянство еще больше страдало от гнета турецких феодалов и правительства, чем в XIII—XIV вв. от гнета южнославянских феодалов. К тому же, к феодальному гнету прибавился гнет религиозный и национальный. Все это ставило феодально-зависимое население в совершенно бесправное положение.

После жестокого поражения сербской армии на Косовом поле в 1389 г. Сербия фактически лишилась своей самостоятельности и перешла в вассальную зависимость от Турции. В 1393—1396 гг. окончательно перестало существовать Болгарское государство. Но все эти тяжелые события не примирили южных славян с турецким господством. Болгары, сербы и другие покоренные турками народы не переставали надеяться на близкое освобождение и продолжали бороться за свою свободу.

Попытки восстановить государственную самостоятельность Сербии и Болгарии были сделаны в первом же десятилетии XV в. Воспользовавшись нашествием на турецкие владения монголов во главе с Тимуром и возникшей между сыновьями Баязида I ожесточенной борьбой за престол, которая привела к фактическому распаду единства Турецкого государства, сербский деспот Стефан Лазаревич нарушил вассальную зависимость от турок.

В это же время была сделана попытка восстановить Болгарское государство. Следов от этих событий в источниках почти не сохранилось. О них лишь кратко сообщает Константин Философ в «Житии Стефана Лазаревича, деспота сербского». Он пишет: «Еще и болгарские города перешли к сыновьям болгарских царей. Так как там до этого утвердился султан

¹ К. Иречек. Указ. соч. Пер. Сп., кн. VI, стр. 38.

Мусульман (Сулейман. — И. Д.), то он пошел на Темско с войском, чтобы взять ее (область реки Тимока. — И. Д.)¹. Сыновьями болгарских царей, возглавившими дело восстановления независимости Болгарии, были: сын тырновского царя Ивана Шишмана — Фружин, бежавший после падения Тырнова в Венгрию, и сын видинского царя Срацимира — Константин. Турецкие войска, вероятно, быстро расправились с освободительным движением в Болгарии и восстановили там власть султана.

Не была восстановлена и самостоятельность Сербии. Жестоко враждовавшие между собой Лазаревичи и Бранковичи постоянно вмешивались в междоусобную борьбу сыновей Баязида, стараясь сохранить за собой свои владения или расширить их. В конце концов, при поддержке деспота Стефана на султанском престоле окончательно утвердился Мехмед II, восстановивший единство Османской империи.

Уже в XV в. на Балканском полуострове возникает получившая в дальнейшем широкое распространение самая характерная форма антитурецкого движения — гайдучество. Невыносимый национальный гнет, притеснения и преследования со стороны турецких беев, пашей, безысходная нужда, желание мстить за оскорбление и убийство ближних — таковы были разнообразные причины, заставлявшие отдельных решительных и смелых людей уходить в леса и горы, организуя там гайдуцкие отряды. Так, путешествие через Стару Планину, по рассказу де Брокиера, было небезопасно из-за «разбойников»². Можно предположить, что эти «разбойники» и были как раз народными мстителями — гайдуками.

В первом десятилетии XV в. в южной части Сербии активно действовал против турок со своей дружиной смелый юнак Новак или Каралук, который неоднократно нападал на турецкие владения. Турки пытались расправиться с ним, но безуспешно. На требование выдать им Новака деспот Стефан ответил, что «этот разбойник живет в горах»³. Дальнейшая судьба Новака не известна.

В течение всего XV в. зреющий протест южнославянских народов грозил при первом удобном случае вылиться в восстание. Угроза такого восстания была настолько реальной, что заставляла турок постоянно опасаться за свои владения. Они не чувствовали себя уверенно на недавно завоеванных территориях и систематически совершали своего рода карательные экспедиции в разные части Балканского полуострова. Как пишет Дука, султан Мехмед I постоянно «угрожал войной» ромеям, валахам, сербам, болгарам⁴.

В 40-х годах XV в. государства Восточной и Юго-Восточной Европы, испуганные новым натиском турок, организовали коалицию для борьбы с ними. В 1443 г. в Венгрии собралось 25-тысячное войско и был начат крестовый поход против турок. Поход возглавляли король Польши и Венгрии Владислав III, венгерский воевода Янош Гуниади, прославившийся удачными сражениями с турками под Карпатами, а также сербский деспот Юрий Бранкович.

Действия крестоносцев против турок оказались успешными. К войску присоединялось много местных жителей. Борьба против турок была облегчена также благодаря восстанию в Албании, которое поднял ее владетель Скандербег. Крестоносцы, пройдя через Сербию, дошли до Софии, взяли ее и начали продвигаться к Филиппополю. Однако они не смогли взять

¹ Константин Философ. Житие Стефана Лазаревича, деспота сербского, стр. 292.

² К. Иречек. Указ. соч. Пер. Сп., кн. III, стр. 76.

³ Константин Философ. Указ. соч., стр. 292.

⁴ Ducas, p. 125.

балканских перевалов и из-за сильных морозов были принуждены вернуться в Венгрию.

Вскоре с султаном был заключен мир, по которому восстанавливалась независимость Сербии и Албании, но вся Болгария оставалась под властью турок.

Можно предположить, что султан Мурад II рассматривал этот договор как временную передышку и не думал примириться с потерей Сербии и Албании. Не удовлетворились легким успехом и члены коалиции. Весной 1444 г. король Владислав и Янош Гуниади с войском, которое было гораздо малочисленнее, чем в предыдущем году, начали поход в Болгарию. Пройдя по побережью Дуная и Черного моря, крестоносцы захватили ряд болгарских городов, но вскоре потерпели жестокое поражение от турок в битве под Варной.

Поражение под Варной фактически решило исход борьбы за изгнание турок из Европы. Через несколько десятилетий почти весь Балканский полуостров оказался во власти турок.

Но и после окончательного завоевания Балканских государств турецкий султан не чувствовал себя в безопасности в покоренных областях. Он постоянно опасался новых нападений на свои владения со стороны европейских государств, а также восстаний христианского населения.

В этой связи интересен рассказ Михаила Константиновича. Он пишет, что султан Мехмед II, уже захватив Константинополь и подчинив большинство Балканских государств, чувствовал себя «в большой опасности» и очень боялся организации антитурецкой коалиции в Европе, так как, «если бы о том узнали христиане, которые находятся под властью турок, они бы все восстали и все бы перешли на сторону христиан (христианской коализации. — *И. Д.*). Это я сам много раз от них слышал (от христианского населения: — *И. Д.*), — сообщает Константинович. — Находящиеся под ярмом турок христиане всегда молят бога, чтобы это случилось»¹.

Антитурецкое движение этого времени нашло выражение и в заговоре 8 сербских юношей, служивших коморниками в ставке султана Мехмеда II. Они задумали убить султана. «... Если этого турецкого пса убьем, — говорили они между собой, — будет все христианство освобождено, а если нас схватят, тогда мы будем перед богом и перед другими людьми мучениками»². Этот заговор сербских юношей не удался: среди них оказался предатель, который рассказал султану о замыслах своих товарищей. Заговорщики погибли мученической смертью.

О ненависти населения к туркам, о надеждах на освобождение сообщают и путешественники. «Они чрезвычайно беспокойно ожидают своего освобождения и не желают уже терпеть тяжкое рабство», — пишет о болгарях итальянец Буонакорси³. Французский путешественник де ла Брокьер также рассказывает о стремлении населения Балканского полуострова «освободиться от рабства»⁴.

Надежды болгар и сербов на освобождение, их протест против национального поражения, ненависть к туркам нашли отражение и в литературе XV в. Так, болгарский писатель Владислав Грамматик в своей повести о перенесении мощей Ивана Рылского в Рылский монастырь просит Ивана Рылского «молиться Всемилостивому владыке о спасении своих сородичей, единокровного языка болгар и сербов, и помощи господа бога

¹ Мијајла Константиновић. Указ. соч., стр. 153.

² Там же, стр. 117—118.

³ Х. Кесяков. Указ. соч., стр. 179.

⁴ К. Иречек. Указ. соч., кн. III, стр. 77.

в покорении всепротивных врагов под их ноги...»¹ Можно предположить, что Владислав Граматик, писатель, связанный как с сербами, так и с болгарами, выражал стремление южнославянских народов к освобождению.

Героическая борьба южных славян против ига турецких завоевателей в течение последующих веков росла и крепла. В XVI—XVII вв. на Балканском полуострове вспыхнул ряд организованных восстаний, участники которых ставили своей целью свержение турецкого ига и возрождение самостоятельности южнославянских государств. В то же время расширялись культурные и политические связи южных славян с их старшим братом — великим русским народом. Уверенность, что именно из России придет помощь в освобождении от ига турок, глубоко вошла в сознание болгар, сербов, македонцев, босняков, черногорцев и передавалась из поколения в поколение.

* * *

История южнославянских народов после покорения их турками требует всестороннего детального изучения. Однако даже тот материал, который изложен в нашей краткой статье, показывает хищнический, разбойничий характер турецкого завоевания Юго-Восточной Европы и тяжелое положение южнославянских народов под игом Османского государства. Несостоятельность взглядов буржуазных ученых, старающихся исказить действительность и выдвигающих антиисторический тезис о «благом воздействии» турецкого завоевания на исторические судьбы южнославянских народов, становится очевидной после знакомства с историческими фактами.

Разоблачение версии о положительной якобы роли подчинения южных славян Турецкому военно-феодальному государству приобретает в настоящее время большое политическое значение.

Все это заставляет советских историков уделять особое внимание разоблачению взглядов пантюркистских псевдоученых, в том числе и их лженаучной версии о якобы прогрессивной роли турецкого завоевания Балканского полуострова.

¹ С. Новаковић. Владислав Граматик. ГЛСУДр, кн. XXII, 1867, стр. 301—302.